

*А.Э. Савин**

ЖИЗНЕННЫЙ МИР И ИЗМЕРЕНИЯ ЕГО ИСТОРИЧНОСТИ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Целью настоящей статьи является экспозиция трансцендентально-феноменологического подхода к проблеме историчности жизненного мира. Можно выделить три измерения историчности жизненного мира: естественную, политическую и «историчность-связанную-с-разделением-труда». Согласно Гуссерлю, историчность жизненного мира, связанная с разделением труда, задает телеологию мировой истории.

В настоящее время в философских исследованиях, посвященных вопросам истории, сформировалась устойчивая тенденция изучать их в связи с историей повседневности. Поэтому на передний план выходят исследования истории жизненного мира, горизонта первичных очевидностей как базиса исторических процессов в экономике, политике, искусстве и всех прочих сферах человеческой жизни. Однако сам концепт историчности жизненного мира остается непроясненным как в отечественной, так и зарубежной философии.

Целью настоящей работы являются прояснение понятия жизненного мира и экспозиция трансцендентально-феноменологического подхода к проблеме историчности жизненного мира.

Гуссерль различает три эпохи мировой истории (Weltgeschichte) и, соответственно, три типа историчности (Geschichtlichkeit), т.е. три способа конституирования вещно-культурного окружающего мира (Umwelt), человеческого сообщества и себя самого, характерных для человеческого Dasein: естественную, научно-философскую и феноменологическую. Обозначение способов конституирования как типов историчности не является случайным, а базируется на «основной идее (Grundgedanke) «Кризиса», что конституирующая жизнь трансцендентальной субъективности, т.е. человеческого Dasein, рассмотренного с позиции феноменологической установки, является в себе самой историчной» [2. S. 167].

*© Савин А.Э., 2006

Савин Алексей Эдуардович – кафедра современных философских проблем Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Основанием для различения типов историчности и, соответственно, мировых эпох выступают типы генеративности. Под генеративностью Гуссерль понимает «связь (Verkettung) ныне живущих (gegenwaertigen) и давно умерших личностей, которые, хотя и умерли, однако и сейчас еще (с их еще воспроизводимыми (nacherzeugbaren), могущими быть сколь угодно часто повторенными, благодаря ретроспективному пониманию (Nachverstehen), мыслями и произведениями) актуально присутствуют (da sind), вновь и вновь оказывая плодотворное воздействие, поддерживая, а иногда также и тормозя (hemmend) мысли ныне живущих (gegenwaertigen), в любом случае мотивируют их в их профессиональном (berufsmässigen) Dasein», т.е. участвуют в их становлении как конституирующих инстанций [4. S. 365].

Гуссерль специально подчеркивает связь феноменологически понимаемой генеративности с историчностью (историчность, собственно, и есть не что иное, как рассмотренная с точки зрения становления конституирующих мир способов мышления и действия (persoenlich geistig verstanden) генеративность), и ее отличие от биологически понятой генеративности [4. S. 488].

Характер этой связи генеративности с историчностью Л. Ландгребе определяет следующим образом: «Зачатие и рождение – не просто темы биологии, но имеют трансцендентальное значение как условия возможности истории... Здесь лежит основание различия поколений, благодаря которому то, чем они владеют сообща, – всегда в одну эпоху живут совместно несколько поколений, – из-за различного времени их жизни является в различных перспективах. Так образуется общая история семьи, народа, эпохи. Каждый вступающий в нее благодаря своему рождению член имеет свое время, время, которое выпало ему на долю» [7. S. 97].

В другой формулировке историчность – это характеристика связи, согласно которой личность вместе с ее личностной духовностью формируется окружающим миром (Kultur-Sachen-Umwelt). Он, в свою очередь, является результатом деятельности и есть мир результатов труда, продуктов более ранних действий и полученных из традиции (ueberlieferte) форм осмысленных действий, который продолжает формироваться и обогащается за счет активности этой, живущей в настоящем, но формируемой окружающим миром личности [4. S. 502].

Глубинным измерением интенциональной истории в феноменологии Гуссерля выступает история жизненного мира и коррелятивного ему слоя трансцендентальной субъективности. И если, согласно Гуссерлю, история реального, действительного мира существует только в силу историчности трансцендентального сознания, то историчность последнего возможна только вследствие историчности субъективно-релятивного жизненного мира.

Теория жизненного мира выполняет в феноменологии две функции: диагностическую и терапевтическую.

Диагностическая функция теории жизненного мира заключается в том, что эта теория вскрывает сущность процесса становления наук Нового времени и сопутствующего ему формирования объективистского способа мышления как забвение той почвы, из которой они (исторически) выросли и которую они (систематически) предполагают в качестве смыслового фундамента. Такое отношение жизненного мира к наукам можно охарактеризовать как «функцию почвы» (Boden-Funktion). С ее открытием Гуссерль указывает на угрозу со стороны объективизма базисному измерению человеческой жизни.

Терапевтическая функция теории жизненного мира состоит в том, что он является отправным пунктом для радикального самоосмысления, делающего возможной жизнь, исходящую из универсальной ответственности. В этой функции жизненный мир выступает как начало пути к трансцендентальной феноменологии, и поэтому ее можно обозначить как «функцию путеводной нити» (Leitfaden-Funktion).

Ульрих Клэсгес – немецкий исследователь, который выделил эти функции, – указывает, что жизненный мир именно из-за своей «функции почвы» может быть единственной путеводной нитью для тематизации конституирующих актов трансцендентальной субъективности [1. S. 87]. Ведь если не вскрыт закрытый объективистскими наслоениями смысловой фундамент всех прочих «результатов работы» трансцендентальной субъективности, то объективистские предрассудки с необходимостью войдут в игру при тематизации субъективности и, следовательно, исказят ее понимание.

Несмотря на неразрывную связь в трансцендентальной феноменологии этих двух функций жизненного мира, радикальное рассмотрение объективного мира как коррелята метода, т.е. особой – теоретической – установки сознания, приводит к парадоксальной ситуации. Ведь сама объективная наука Нового времени, будучи одной из многих практик, а именно особой теоретико-логической практикой, с одной стороны, принадлежит жизненному миру «в его полной конкретности», с другой, – покоится на фундаменте жизненного мира. Гуссерль формулирует эту парадоксальную ситуацию следующим образом: «Жизненный мир есть одновременно лежащая в основании почва для «научноистинного мира» и одновременно в своей полной универсальной конкретности охватывает его» [4. S. 134]. Клэсгес в этой связи делает вполне логичное заключение: с введением понятия «жизненного мира в его полной конкретности» первоначальное определение жизненного мира через его противопоставление миру науки оставляется. Он пишет, что «жизненный мир в его полной конкретности» не есть более коррелят субъективно-релятивного наглядного опыта (Erfahren), но является тотальностью, охватывающей живущего в жизненном мире со всеми его теоретическими и практическими действиями, включая науки и даже «теоретизирование» о самом жизненном мире.

В этой связи жизненный мир в его «функции почвы» становится проблематичным [1. S. 88].

Поскольку обе функции жизненного мира являются существенными для феноменологии и ни одну из них нельзя оставить, Клэсгес предлагает различать «жизненный мир в узком смысле», – тот слой жизненного мира, который лежит в основании наук и всех специальных «профессиональных» практик, габитуальных, привычных направленностей интересов с их «профессиональным временем», с одной стороны, – и «жизненный мир в широком смысле» или «в полной конкретности», включающий в себя все науки и специальные «профессиональные» практики, – с другой.

«Жизненный мир в узком смысле» вводится, как теперь можно увидеть, не только в противоположность миру объективных наук, но и в противоположность всем специальным «профессиональным» практикам и их коррелятам, обозначаемым как особые миры (Sonderwelten). Тематизация «жизненного мира в узком смысле» предполагает, таким образом, не только эпохе объективных наук, но и эпохе всех особых миров и их субъективных коррелятов, т.е. различных видов профессиональных практик и интересов.

В одной из разработок изданных в приложении к «Кризису» Гуссерль так описывает отношения между жизненным миром и особыми мирами. Мы живем в горизонте жизненного мира, преследуя определенные преходящие или долговременные цели. Последние могут оказаться в результате сознательного выбора или воспитания нашей профессией (Lebensberuf). В этом случае конституируются в себе замкнутые горизонты, «миры». Как люди, занятые профессиональной деятельностью, мы становимся безразличными к тому, что происходит вне нашего замкнутого горизонта, погружаемся в наш «профессиональный» мир и различаем истинное и ложное уже только в тех рамках, которые предписывают нам наши профессиональные цели, как правильное, подходящее для достижения этих целей, или неправильное, неподходящее. Жизненный мир, функционирующий как основание и горизонт особых миров, остается для живущих в последних нетематическим [4. S. 459] (к числу таких особых миров относится, разумеется, и мир науки). Вернер Маркс в связи с приведенным выше описанием характеризует гуссерлевское понимание особого мира следующим образом: «Для Гуссерля особый мир (Sonderwelt) есть обособленная (gesonderter) область, которая конституирована и замкнута определенной целью или ведущей целевой идеей (Zweckidee), – все равно, идет ли речь о практической или о теоретической, об индивидуальной или об общественной цели» [1. S. 88].

Несомненно, что «жизненный мир в широком смысле» является историческим и социально-культурным миром, поскольку в нем происходят и на нем отражаются все «профессиональные» начинания, а результаты этих начинаний становятся со временем привычными и, изменяя и обогащая особые миры новыми профессиональными техниками, передаваемыми затем из поколения в

поколение ремесленниками, политиками и пр., тем самым изменяют и обогащают и «жизненный мир в широком смысле». Но как обстоит дело с историчностью «жизненного мира в узком смысле» как коррелята «простого (schlichte) intersубъективного опыта»?

Историчность «жизненного мира в узком смысле» в силу его конечности трактуется у Гуссерля как историчность домашнего мира, т.е. историчность жизненного мира есть особого рода трансформируемость домашнего мира как конечного горизонта, находящегося в зависимости от габитуализированной смысловой активности предков и выступающего как базис активности для потомков. Домашний мир, в свою очередь, можно определить как горизонт наглядных (anschauliche) и само собой разумеющихся для всех его представителей данностей.

Для каждого отдельного человека и, соответственно, для каждого окружающего жизненного мира (Lebensumwelt) можно выделить три измерения исторических преобразований, т.е. три измерения расширения и изменения жизненного мира под действием связи ныне живущих, давно умерших и еще не родившихся.

Первое измерение – это «естественная» или «наивно-мифологическая» историчность, вращение в «систему нормальности» своего домашнего мира, унаследование (Erben) ее по мере взросления (наиболее показательным изображением этого процесса выступает, как представляется, фрагмент июля 1935 г. «Ребенок. Первое вчувствование», изданный как XLV приложение в XV томе Гуссерлианы) [6. S. 604-608]. Формирование по мере взросления конститутивных систем есть подражание и «разучивание» «взрослого» и «достойного» поведения и образа мыслей. Оно, как унаследование «системы нормальности», связано с восприятием полученной от предков мифологии. Здесь происходит становление «естественной установки». Основные линии разломов, выделяемые в этой плоскости: дети – взрослые и нормальные – ненормальные.

Второе и, по словам Гуссерля, основное измерение историчности – политическая историчность (в ее перспективе первую историчность можно считать «праисторической»). Ее существо состоит в изменении «системы нормальности» домашнего мира посредством усвоения (Aneignen) «системы нормальности» чужого мира, т.е. в формировании широкой, общей им системы нормальности. Такая историчность может сформироваться в полной мере только на «национальном» уровне. Оформление границ «системы нормальности», готовой к «политическому в полном смысле», не в последнюю очередь связано с общностью языка сообщества, поскольку он обеспечивает такого рода идеализации и типизации естественного наглядного опыта мира, которые позволяют ему стать миром для всех членов сообщества, живущих в нем, позволяют не только передавать опыт из поколения в поколения, но и распространять его вширь [3. S. 58] (наиболее показателен в связи с политической историчностью

фрагмент августа 1934 г., опубликованный в XXIX томе Гуссерлианы) [5. S. 9-11]. Основная линия разлома в этой плоскости пролегает между втянутыми в эту «расширенную систему нормальности» и не втянутыми в нее представителями домашнего мира.

Третье измерение историчности – «историчность-связанная-с-разделением-труда» – связано с воздействием особых миров и, в частности, мира науки на жизненный мир. Это воздействие осуществляется посредством «втекания» (Einstroemen) и «вмешательства» (Eingreifen), вследствие которых в жизненном мире появляются новые предметы, практики и способы понимания вещей и событий, которые были учреждены в «особых мирах». Основная линия раскола в этой плоскости: образованные – необразованные. Под образованными понимаются те, чьи способы действия и мышления ориентированы на идеальности, сформированные в особом мире науки (истины, безотносительные к «узкому горизонту домашнего мира») и, соответственно, на развившиеся из них идеальности в других сферах – этической, политической и т.д. Для образованных, – в противоположность необразованным, – появившиеся благодаря этому особому миру науки и его этическим, политическим и пр. производным вещи, явления и действия становятся само собой разумеющимися (наиболее показательный фрагмент – приложение XVII к «Кризису европейских наук» и «Венские доклады» [4. S. 314-348]).

Попытаемся представить модель этих измерений историчности жизненного мира и, соответственно, модель сферы пассивного принятия, того, чему до всякого подтверждения, до всякой логико-критической активности уже сказано «да».

В рамках «естественной», наивно-мифологической историчности происходит расширение «сфайроса» «домашнего мира» (для отдельного человека) и поддержание его границ в ходе смены поколений. Политическая историчность обеспечивает его растяжение и «перекручивание» посредством смысловых сдвигов и наслоений в горизонтальной плоскости, а «историчность-связанная-с-разделением-труда» – в вертикальной.

Разумеется, все эти изменения происходят не без взаимных воздействий. Чтобы обнаружить их, достаточно вспомнить об использовании трофейного оружия, захваченного оборудования или заимствованных тактик ведения рукопашного боя (двойное действие на домашний мир «особого мира», даже мира науки, если речь идет об оружии и оборудовании, полученных в результате индустриального производства, и «чужого мира» противника). Или – более сложный случай – об изменении характера отношения к старикам в ходе контактов с чужими мирами, например, принятие от них системы пенсионного обеспечения или домов престарелых (здесь в начальный сфайрос «естественного домашнего мира» и в сам ход генеративного опыта вмешивается чужая «система нормальности», которая сама вдобавок уже трансформирована идеальностями типа «социальной защиты» и «прав человека»).

Все такого рода новации имеют трансцендентальный характер, поскольку меняют «конститутивные системы» живущих в данном «домашнем мире», причем даже базисную его часть, отвечающую за изначальное «да», – т.е. «систему нормальности», «нормальную систему апперцепции». И, конечно, главное здесь – это ход габитуализации, «работа времени».

В трансцендентальной феноменологии Гуссерля историчность-связанная-с-разделением-труда и, в частности, с появлением философии и науки доминирует над политической историчностью. Это выражается в том, что, согласно Гуссерлю, преобразование человечества под действием философии и науки имеет характер европеизации, т.е. распространения связанной с учреждением особых миров философии и науки (эпистемы) и отныне зависящей от них европейской «системы нормальности» на все человечество, т.е. на все «чужие», неевропейские домашние миры. Такое распространение первоначально имеет характер общения (*Verkehr*) европейцев с чужими мирами и приводит к преобразованиям самой политической историчности, например, к появлению таких «идеальностей», как «международное право» или «Хельсинские соглашения», которые отныне регулируют и общение неевропейских народов между собой европейскими способами, причем сами неевропейские народы признают эти способы легитимными.

Появление и распространение самой феноменологии, выявляющей все эти отношения, являются продолжением движения европеизации человечества. Тематизация феноменологией отношения взаимного порождения жизненного мира и идеальностей «особого мира» науки, ориентация феноменологии на критику объективизма, господства безответственной эпистемы сама выступает, согласно Гуссерлю, корректировкой движения европеизации. Эта корректировка не изменяет родине философии и науки – «духовной Европе», а, напротив, удерживает ее от внутреннего разложения, от превращения движения разума в самовоспроизводство «рациональности египетских пирамид».

Итак, согласно Гуссерлю, жизненный мир, понятый как «домашний мир», непрерывно изменяется под действием политической историчности, связанной с влиянием на домашний мир чужих миров, и в результате воздействия «историчности-связанной-с-разделением-труда». В ходе этого воздействия он постоянно разлагается, но и постоянно воссоздается вследствие действия «естественной историчности», изначального генеративного опыта.

В силу телеологичности истории, ее движения в направлении европеизации, на каждом последующем этапе всякий домашний мир, уже втянутый в глобальную политическую историчность, более «европеизирован» и открыт чужому, чем на предыдущем. Тенденции же внутреннего разложения самой «духовной Европы» хотя и имеют трансцендентально необходимый характер (вытекают из сущности трансцендентальной субъективности, из существа ин-

тенциональной истории как живого движения смыслопорождения и смыслооседания), но с той же необходимостью и преодолеваются (в реактивации).

Средством их преодоления выступает, согласно Гуссерлю, трансцендентальная феноменология, которая есть, как он пытается показать в «Кризисе», не только идея, но и «действительное историческое движение», преобразование основания всех конститутивных систем (и самого трансцендентального сообщества «Я-монад» – источника всех как активных, так и пассивных конститутивных действий (Leistungen); для единичного трансцендентального Я это означает, что в конституировании его участвуют и особые миры и чужие миры), подобно тому как у Маркса в «Немецкой идеологии» таким действительным, преобразующим деятельную человеческую природу движением выступает коммунизм.

Библиографический список

1. Claesges, U. Zweideutigkeiten in Husserls Lebenswelt-Begriff / U. Claesges // Perspektiven transzendental-phaenomenologischer Forschung. Hrsg. von U. Claesges und K. Held. – Haag: Martinus Nijhoff, 1972. S. 85-101.
2. Fink, E. Welt und Geschichte / E. Fink // Naeh und Distanz. Hrsg. von F.-A. Schwarz. – 1. Auflage. – Freiburg [Breisgau], Muenchen: Alber, 1976. S. 159-179.
3. Husserl, E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999.
4. Husserl, E. Die Krisis der europaeischen Wissenschaften und die transzendente Phaenomenologie/ E. Husserl // Husserliana. Bd. VI. Hrsg. von W. Biemel. – Haag: Nijhoff, 1962.
5. Husserl, E. Die Krisis der europaeischen Wissenschaften und die transzendente Phaenomenologie. Ergaenzungsband: Texte aus dem Nachlass 1934 – 1937 / E. Husserl // Husserliana. Bd. XXIX. Hrsg. von R. N. Smid. – Dordrecht: Kluwer, 1993.
6. Husserl, E. Zur Phaenomenologie der Intersubjectivitaet. Dritter Teil / E. Husserl // Husserliana. Bd. XV. Hrsg. von I. Kern. – Haag: Nijhoff, 1973.
7. Landgrebe, L. Das Problem der Teleologie und der Leiblichkeit in der Phaenomenologie und Marxismus / L. Landgrebe // Phaenomenologie und Marxismus. Bd. I. Konzepte und Methoden. Hrsg. von B. Waldenfels u.a. – Frankfurt am Mein: Schurkamp, 1977. – S. 71-104.

A.E. Savin

LIFEWORLD AND DIMENSIONS OF ITS HISTORICITY IN TRANSCENDENTAL PHENOMENOLOGY

In the paper the transcendental-phenomenological approach to the problem of historicity of the lifeworld is considered. There are three dimensions of the lifeworld's historicity: natural, political and "professional" historicity. According to the Husserl the "professional" historicity of the lifeworld forms the teleology of the world's history.